

УДК 81.1; 008:361
DOI: 10.17223/22220836/40/5

Д.И. Иванов

ОСНОВНЫЕ РЕЖИМЫ АКТИВНОСТИ ДОМИНИРУЮЩЕЙ КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ КИНОТЕКСТА «ХОЛОДНОЕ ЛЕТО ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЕГО»)

В рамках авторской метадисциплинарной теории моделирования когнитивно-прагматических программ (КПП) проводится исследование концептуально-смыслового ядра кинотекста «Холодное лето пятьдесят третьего». КПП – это своеобразная концептуальная матрица, опорная система когнитивно-прагматических установок. Установлено, что данный кинотекст разворачивает перед нами панораму мифологической перекодировки сознания носителей КПП. Можно выделить три базовых режима ее деструктивной активности. В режиме «условной пассивности» КПП ее носитель сохраняет значительную степень внутренней свободы. «Активно-пассивный» режим КПП производит подмену: носитель программы, не осознавая этого, становится «машиной воспроизведения» автоматизированных реакций. В условиях «активно-деструктивного» режима КПП в «псевдодialog» вступают уже не живые люди, а разные варианты доминирующей программы.

Проведенное исследование предлагает принципиально новый способ анализа кинотекста. Ключевые слова: когнитивно-прагматическая программа, мифологическая перекодировка сознания, деструктивно-манипулятивная стратегия, режимы идеологической КПП, псевдофакт, псевдодialog.

Кинотекст получившего широкий резонанс художественного фильма (яркого воплощения синтетического искусства современности) является своеобразной «кладовой» разнообразных культурных смыслов – в том числе и с точки зрения взаимодействия / взаимовлияния личностной ментальности и многомерного полисемиотического текста культуры, «в рамках которых происходят взаимопереходы содержания культуры в содержание ментальности и содержания ментальности в содержание культуры» [1. С. 78]. Однако синтетичность кинотекста создает и значительные проблемы: в языке кино нельзя унифицировать составляющие его элементы, «не существует кода, состоящего из узнаваемых и выделяемых единиц и способов их организации, который являлся бы общим для всех фильмов» [2. С. 17]. Общесемиотическое («лингвистическая система кинотекста обслуживается знаками-символами, нелингвистическая – знаками-индексами и знаками-иконами» [Там же. С. 22]) и лингвокультурологическое (с помощью концепта, означающего «ментальную единицу, связывающую культуру, сознание и язык» [Там же. С. 45–46]) понимание кинотекста не решает проблемы его моделирования как целостно-специфичного медиатекста, в котором гетерогенные компоненты «работают» как единый комплекс, обеспечивая эстетическое и прагматическое воздействие на реципиента. Иными словами, требуется преодолеть ставшую уже традиционной логику дифференциации кинотекста по внешним, формальным и отдельным структурно-смысловым и даже семиотическим основаниям.

Теоретическим фундаментом предлагаемого здесь ракурса изучения кинотекста является разрабатываемая нами оригинальная метадисциплинарная (способная играть роль метаязыка для смежных дисциплин) теория когнитивно-прагматических программ (КПП), исходящая из целенаправленной «программируемости» любой осмысленной деятельности, которую можно семиотически прочесть как «текст», и этим сводящая воедино семиотический, когнитивный и «личностный» (от сознания художника до сознания его персонажей) планы анализа. Когнитивное сознание личности – сложноорганизованный, системно структурированный феномен (иначе не была бы возможна целенаправленная осмысленная деятельность личности, основанная на ее собственном понимании ситуаций разного типа, уровня и протяженности). В структуру КПП личности могут войти только те компоненты (информационные коды разных типов), которые прошли процесс «когнитивной фильтрации», перекодировки, полной / частичной персонификации и гармонизации, выстроившись в итоге в целостную систему целевых, самоидентификационных (ролевых), инструментальных и оценочно-результативных подсистем когнитивно-прагматических установок (КПУ), тесно взаимосвязанных и направленных на успешную реализацию основной цели всей КПП. Очевидно, что вхождение / перекодировка компонентов могут происходить как в результате критической рефлексии личности, так и в форме «усвоения» ею доминантных КПП эпохи (авторитетных программ, получивших «метанарративный» и сверхличный статус), причем здесь разыгрываются настоящие манипулятивные драмы, когда даже репрессивное «коллективное» нередко становится личным императивом.

Для персонажа кинотекста, находящегося под воздействием доминантной «программы» своей эпохи (а именно о таких персонажах и повествует исследуемый кинотекст), КПП выступает как тайно или явно соотнесенная с ней «личная» система опорных когнитивно-прагматических установок сознания и поведения (деятельности), а для исследователя кинотекста КПП персонажа так или иначе репрезентирует и глубинные процессы его сознания / коммуникативной активности, и аспекты коллективной ментальности, и авторский подход к их изображению. По сути, понятие КПП позволяет проводить масштабный и многоплановый концептуально-семантический анализ языкового и коммуникативного сознания, охватывающий «все сферы актуализации когнитивно-прагматических интенций: а) на уровне отдельной личности; б) на уровне массового сознания; в) на уровне различных текстуальных форм, образованных на базе всех известных знаковых систем (вербальной, музыкальной, кинетической, визуальной и т.д.)» [3. С. 108]. В самом общем виде КПП – это «своеобразная концептуальная матрица, опорная система когнитивно-прагматических установок (КПУ) (целевых, самоидентификационных (ролевых), инструментальных, оценочно-результативных), формирующихся в пространстве когнитивного сознания отдельной личности / определенной социальной группы / нации / народа» [4. С. 252].

С этой точки зрения кинотекст фильма «Холодное лето пятьдесят третьего» (1987), художественно-игрового по жанру, но политического по типу воплощаемого сознания, по характеристикам субъектной среды, раскрывает драму нашей недавней истории не столько «фактологически», сколько в плане реконструкции *политического сознания* человека сталин-

ской эпохи. Это связано с тем, что внешнее, условно-приключенческое, сюжетное действие имеет глубочайшие когнитивные мотивировки, составляющие концептуально-смысловое ядро данного фильма, репрезентирующего «судороги нашей ментальности в переходную эпоху», если можно так выразиться.

Необходимо отметить, что «политологическое» понимание политического сознания («характеристика субъектности, способная на основе имеющегося опыта продуцировать обусловленные причинами легитимные для коллективного субъекта политические оценки, а также рациональные (контролируемые субъектом) идеи и действия» [5. С. 61]), с точки зрения культурологии, тем более использующей достижения современной когнитивистики, конечно же, недостаточно. Субъект политического сознания вовсе не обязательно рационален (т.е. способен управлять «политическим бессознательным») и держит под контролем политически значимые идеи и действия; его менталитет, «культурный горизонт», способность к рефлексии и другие характеристики требуют более глубокого моделирования. И здесь план когнитивного сознания есть (для конкретного субъекта) план «картины мира» в целом, а господствующая в этом сознании КПП – чрезвычайно информативная для исследователя когнитивно-ментальная связка личностного и социально-исторического.

Если говорить коротко, то концептуально-смысловое ядро исследуемого кинотекста воплощает определенное историческое состояние победившей тоталитарной мифологии в сознании / бессознательном обычного советского человека. Он живет в мире переписанной истории, где мифологически неразделимы факт и пропаганда, истина и ложь, страх и надежда, оправданный патриотизм и «зомбирование» (см.: «Советский патриотизм использовался в качестве одного из основных средств подавления личностных начал, ликвидации этнических культур и традиций, милитаризации социума, зомбирования общественного сознания» [6. С. 86–87]); он в целом продолжает искренне верить в социализм и коммунизм, несмотря на программный политический террор, направленный «на все общество, на создание в нем специфической атмосферы» [7. С. 85]; его «сущностное я» находится в пространстве навязываемых ему нередко симулятивных самоидентификаций (конструктивных – комсомолец, коммунист, передовик производства, ударник труда, стахановец и т.п. или деструктивных – враг народа, троцкист-утопист, предатель Родины, вредитель и т.п.). Базовая партийно-идеологическая КПП глубоко укоренена в сознании как представителей власти, так и политических заключенных: участковый Манков, не понимая смысла объявленной Берией амнистии, оценивает смерть Сталина как национальную трагедию («Я тогда ничего понять не мог – у народа такое горе, а всех урок на свободу. Органы с ног сбились... Кровью захлебываемся, мать твою!..» [8]); репрессированный Лузга использует тот же манипулятивный идеологический маркер «вождь и учитель Сталин», внедренный в его сознание доминирующей КПП («**Копалыч**: Послушай, Лузга, откуда они бежали? Из каких лагерей? **Лузга**: Амнистия у них началась по случаю смерти вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина» [Там же]).

Кинотекст разворачивает перед нами панораму мифологической перекодировки сознания носителей КПП: уголовник Муха избивает политического

заключенного Лузгу с криком: «А, враги народа – троцкисты-утописты – вредители. То-то, я гляжу, хари гнусные... Родину не любишь, да!..» [8]; 2) капитан рейда Фадеич, получив от Манкова известие о сожжении Манковым и начальником милиции Дмитриюком портретов арестованного Л. Берии, называет Дмитриюка «врагом народа» и в ужасе пытается не дать Манкову уничтожить портрет); 3) отрекаясь от репрессированного Копалыча (Н.П. Старобогатова) семья, используя его записку как оправдание, даже спустя много лет «давит в себе» сам вопрос о его невиновности.

Добиваясь тотального контроля сознания, система власти (привилегированные носители КПП) превращает и уголовно-криминальную среду в носителей специфической уголовно-криминальной проекции базовой КПП. Формально противостоя друг другу, на деле базовая тоталитарная КПП тоталитарного режима и ее уголовно-криминальная проекция используют схожие деструктивные стратегии насилия, подавления, подчинения, манипуляции и т.п. Соответственно «справедливость» власти (КПП-источник) и «беспредел» бандитов (КПП-вариант) – не более чем манипулятивная иллюзия.

Наиболее глубокую перекодировку претерпевает опорная для самоидентификации личности этическая категория долга («внутренний моральный закон», по И. Канту). Характерен диалог Фадеича и главаря бандитов (**Барон**: Что может твоя власть? Убить меня – так и я могу убить тебя и любого... Твоя власть что дала тебе – гроши. А я – я красиво живу. Я беру сколько надо и еще вдвое. Я красиво живу (*переходит на крик*). А по тебе ходят. Ты подошвы лижешь! **Фадеич**: Я исполняю долг!..) [Там же]), в котором ключевая фраза Фадеича «Я исполняю долг», призванная противопоставить *долг советского человека* (КПП-источник) системе воровских «понятий» (КПП-вариант), произносится героем испуганно, автоматически. «Долг» здесь – деструктивно-манипулятивный инструмент контроля КПП за сознанием своих носителей, искусственно формируемый программой в виде системы жестких когнитивно-прагматических установок (КПУ). Стандартизованные КПУ утрачивают свою главную функцию – идентификации уникального «сущностного я» субъекта, различения им «себя» и «другого». Все формы и варианты этого искаженного «долга» (от долга носителя КПП перед другими носителями, перед родиной, государством, партией, народом до «воровского кодекса чести») являются своеобразными проекциями самой программы. «Долг» маскирует агрессивно-деструктивный характер программы, поскольку ее «приказ» осознается как требование собственной совести, и в этом заключается суть произошедшей вирусно-манипулятивной трансформации личностного политического сознания.

Такая перекодировка позволяет КПП подняться на качественно новый уровень моделирования и полностью «подчинить» себе сознание своего носителя. Уверенный, что он сам решает, кто он (уровень самоидентификации), какова его цель (уровень целеполагания) и каков путь к ней (уровень моделирования инструментально-операциональной стратегии), – носитель КПП не осознает / не полностью осознает подмену. На самом же деле КПП контролирует его: а) цель программы отождествлена с целью носителя КПП; б) носитель КПП не мыслит себя отдельно от программы; в) деструктивная стратегия КПП воспринимается субъектом как своя собственная.

Показательны в плане перекодировки самой категории долга две сцены. В одной участковый Манков дает оценку репрессированному Лузге, подбравшему его окурок. **«Манков:** Ты ж воевал, мать твою... (Лузга, не вставая с колен, продолжает молча курить. Голова его опущена вниз. Он не смотрит в глаза участкового). **Манков:** На каком фронте-то был? (Лузга поднимает глаза и пристально смотрит на Манкова. Затем, не отводя взгляда, поднимается с колен. Лицо его сосредоточено) **Лузга:** На Первом Белорусском... **Манков:** А в плен как попал? (лицо Лузги искажает ироническая гримасса. Глаза прищурены. Он начинает немного покачивать головой и плечами, воспроизводя манеру общения уголовников) **Лузга:** Так там же в деле есть – гражданин начальник... (Манков иронически, зло улыбается в ответ) **Манков:** Ишь ты, гордый какой... (искусственная улыбка исчезает с лица Манкова и сменяется выражением злости и презрения) **Манков:** Да я Карпаты штурмовал, когда ты немцам в плену галифе лизал!...» [8].

Здесь позитивную оценку исполнения долга перед КПП получает бывший фронтовик участковый Манков, негативную – бывший капитан-разведчик С. Басаргин (Лузга). Первый с точки зрения КПП – герой и образец истинного исполнения долга, второй – только потому, что попал в плен менее чем на сутки (бежал) – трус и предатель (хотя за столь короткий срок немцы просто физически не успели бы завербовать его), автоматически становящийся «врагом» родины-партии-программы и всего советского народа. Собственно же долг совести (внутренний регулятор, позволяющий человеку в любых условиях бороться за чувство собственного достоинства) властью программой полностью дискредитируется, отождествлен с «предательством».

Вторая сцена, однако, показывает, что «внутренняя ситуация» личности много сложнее. Лузга убивает одного из членов банды, спасает Копальча (Н.П. Старобогатова), и тот произносит: «Мы должны покончить с этой сволочью» [Там же]. Ответ Лузги: «Я лично никому ничего не должен...» [Там же], – что, по сути, означает: я должен (обязан) себе и в ответе перед самим собой и перед своей совестью; я – это только я и никто другой; я свободный человек и сам решаю, как и когда поступить.

На наш взгляд, здесь отражены (визуализированы) все основные (базовые) режимы деструктивной активности идеологической КПП, раскрывающие специфику ее взаимодействия с носителями программы. Соответственно, смена режима является своеобразным «когнитивным индикатором», определяющим не только общие статико-динамические характеристики построения любых форм взаимодействия (межличностных контактов) носителей КПП, но и степень эмоционального-психологического, волевого и аналитического «присутствия», «проявления» сознания «живого человека» (условно свободного от деструктивного воздействия программы), на разных «отрезках» (этапах) диалогического общения. Можно выделить три таких режима: а) *условно пассивный*; б) *активно-пассивный («синтетический»)*; в) *активно-деструктивный*.

Условно пассивный режим КПП характеризуется самой высокой степенью свободы сознания человека. Мысли, действия, слова, произнесенные носителем КПП, «принадлежат» ему самому. Программа не может их полностью контролировать. В этот момент субъект и объект речи являются условно равноправными участниками диалога. Каждый из них получает возможность

высказать *свое мнение* и при необходимости аргументировать, оценивать его, опираясь на *свой жизненный опыт*, *свои убеждения* и *свой разум*.

Ярким примером активизации условно пассивного режима КПП является сцена разговора Лузги и Копалыча: «**Лузга:** *(поворачивает голову и внимательно смотрит на Копалыча)* Не Лузга я. Басаргин Сергей. *(Копалыч улыбается и снимает шапку)* **Копалыч:** Очень приятно. Скоробогатов Николай Павлович. Английский шпион. Инженер в прошлом – главный... **Лузга:** Полковая разведка – капитан. Попал в окружение. Бежал. Вышел к нашим. Один... **Копалыч:** Дальше ясно... Десять лет и поражение в гражданских правах. Блажен, кто посетил сей мир. В его минуты роковые... **Лузга:** И был я в этом плену меньше суток... **Копалыч:** Это Федор Тютчев...» [8]. В приведенном фрагменте можно выделить два основных маркера, указывающих на то, что участники этого диалога (Лузга и Копалыч) в данный момент условно освобождены от деструктивного воздействия программы. Во-первых, звучат их настоящие (человеческие) имена (С. Басаргин, Н.П. Скоробогатов), которые являются основными когнитивными идентификаторами «сущностного я» (личности) каждого «живого», свободного человека. Во-вторых, из уст Копалыча звучит «живая» поэтическая речь (фрагмент стихотворения Ф. Тютчева «Цицерон»).

Однако эта свобода является относительной. Программа продолжает «наблюдать» за каждым действием субъекта, так как носитель КПП находится в зоне ее деструктивной активности. Ситуация условного «отстраненного» наблюдения-контроля программы за носителями КПП является постоянной и неоднократно визуализируется в пространстве кинотекста. Особенно четко это проявляется в сцене, когда уголовники по приказу главаря банды Барона отстреливают собак и разгоняют всех жителей деревни по своим домам. Важно, как мы наблюдаем за этой сценой: камера устанавливается внутри разрушенного дома с почерневшими стенами. Перед нами только стены и два покосившихся, полузаколоченных оконных проема, которые метафорически можно назвать «глазами», контролирующими происходящее. Мы словно находимся «внутри» КПП, видим все ее глазами: уголовники отстреливают собак, слышны звуки выстрелов, визг и лай умирающих животных. Видно, с какой жестокостью бандиты сгоняют стариков в старый амбар.

Здесь необходимо обратить внимание еще на один важный момент. Уголовник Муха, толкая одну из женщин винтовкой в спину, начинает говорить по-немецки. «*(Женщин и стариков ведут строем к амбару. Слышится громкий женский плач, прерываемый звуками выстрелов)* **Женщина:** Ой, Господи... Господи... *(Муха толкает ее в спину)* **Муха:** Давай... *(Одна из женщин пытается вырваться)* **Женщина:** Пусти!.. *(Муха поворачивается и смотрит ей в спину. Она хочет убежать, но сталкивается с уголовником Витьком)* **Муха:** Цурюк! *(Витек хватает ее и толкает обратно в строй)*» [Там же] Появление таких значимых (для переживших войну и плен советских людей) маркеров в речи уголовников является вполне закономерным и полностью соответствует принципам деструктивной программы подавления личности. В другой сцене все тот же уголовник Муха после убийства Витьки ищет в лесу Лузгу и, найдя, берет его на прицел: «**Муха:** Хэнде хох! Брось винтарь!» [Там же]. Очевидно, что «немецкая речь» – это концептуально-смысловой маркер, актуализирующий еще одну специфическую проекцию

доминирующей программы (гитлеровская национал-социалистическая (фашистская) проекция КПП). Таким образом, перед нами под пристальным «взглядом» КПП-источника (сталинско-репрессивная проекция КПП) одновременно визуализируются сразу два отождествленных с ней и между собой варианта тоталитарной программы: а) уголовно-криминальная проекция КПП; б) национал-социалистическая (фашистская) проекция КПП.

Условно пассивный режим КПП крайне нестабилен, неустойчив. Его актуализация является для программы противоестественной (разрушительной), так как может привести к частичной (единичный программный сбой) / полной (систематическая программная ошибка) нейтрализации КПП как на уровне одного субъекта, так и на уровне отдельной субъектно-ролевой группы.

Активно-пассивный («синтетический») режим КПП. Процесс перехода программы от условно пассивного (активное наблюдение – внешний контроль за субъектом) к активно-пассивному («внедрение» и фиксация КПП в структуре эмоционально-психологического уровня сознания субъекта) режиму функционирования имеет определенную специфику. Процесс перехода КПП к активно-пассивному режиму включает в себя два основных этапа. На первом этапе программа берет под свой контроль все ключевые зоны (сферы) «жизненного пространства» реального / потенциального носителя КПП. Процесс предельной идеологизации бытовой, социально-политической, культурной и некоторых других сфер функциональной активности субъекта постепенно приводит к их полной «герметизации». Политика, культура, быт становятся не только зонами реализации, но и своеобразными формами воплощения КПП. Другими словами, все эти зоны, включая сферу межличностного общения, начинают работать по манипулятивно-мифологическим принципам доминирующей программы. На втором этапе объектом деструктивно-манипулятивного воздействия программы становится человек. Существенно возросший уровень общей «агрессивности» «жизненного пространства» (среды-программы) создает благоприятные условия для конструирования специфических внешних «идеологических раздражителей», дестабилизирующих эмоционально-психологический уровень сознания потенциального носителя КПП.

Ключевым инструментом деструктивно-манипулятивного воздействия на сознание человека становится система искусственно созданных программой негативных псевдофактов – «идеологических раздражителей» («стимулов»). Назовем некоторые из них: а) тотальный массовый советский патриотизм; б) единство и неделимость советского народа, государства и партии; в) культ трудового подвига; в) всеобщий героизм советского народа и т.д. В целом общая идея всех «идеологических раздражителей» сводится к следующему: советский народ, преданный «великой идее строительства коммунистического рая на земле», находится в окружении «врагов». Каждый носитель КПП должен трудиться на благо советского государства, быть предельно бдительным и следить за своим окружением, выявляя скрытых (замаскированных) «врагов» советской «власти-программы». Каждый идеологический «раздражитель» (псевдофакт) обладает сложной конструктивно-деструктивной внутренней структурой, при этом деструктивный компонент является доминирующим. Кроме того, все мифодеструктивные состояния (непосредственная основа «раздражителей») могут выражаться в различных знаковых

формах: а) вербальной (лозунги партии-программы; различные инструкции, постановления (приказы) и т.д.); б) графической (агитационные плакаты, портреты вождей, политических деятелей (субъектно-ролевые воплощения программы), листовки и т.д.); в) музыкальной (патриотические песни, гимн государства и т.д.); г) кинетической («героические» позы и жесты вождей и «рядовых» носителей КПП). Полисемиотическая природа воплощения псевдофакта и его частных реализаций-компонентов (негативных состояний) позволяет программе обеспечить комплексное воздействие на сознание потенциального носителя КПП.

Идеологические псевдофакты, обладающие четкой целевой ориентацией, направленной на расширение сферы влияния доминирующей КПП, являются своеобразными «посредниками», связующими «когнитивными звеньями» между программой и человеком. Именно через трансляцию-передачу «своих» мифодеструктивных состояний (компонентов того или иного псевдофакта) программа реализует заразительно-манипулятивный (вирусный) потенциал, воздействует на эмоционально-психологический уровень сознания человека и проводит его идеологическую «когнитивную адаптацию», после которой свободный, самостоятельный субъект становится частью обезличенной системы-программы (носителем КПП). Рассмотрим специфику процесса внедрения негативного состояния-псевдофакта-программы в психику человека подробней.

Прежде всего необходимо сказать о том, что каждый вирусный компонент (мифодеструктивное состояние), «подключаясь» к сознанию человека, существенно усиливает уровень его общего эмоционально-психологического напряжения. При этом важно понимать, что «внедренное» в сознание «чужеродное» состояние, выполняя функцию когнитивно-деструктивного катализатора-«раздражителя», оказывает на человека двойственное воздействие. Оно и возбуждает, и затормаживает работу психики. Одновременная активизация сразу двух противоположных режимов функционирования сознания (стадия «торможения» – стадия «возбуждения»), регулирующих процесс гармонизированного перехода от одного эмоционально-психологического состояния к другому, закономерно приводит к дисбалансировке работы сознания и вызывает особое «скрытое» неосознаваемое аффективное состояние, усложняющее проблему контроля [9. С. 550–551]. Человек переживает своеобразный «кратковременный психоэмоциональный шок». Так, например, деструктивное состояние «страх-бесстрашие», порожаемое программой (страх нарушить «волю» программы; бесстрашие в отстаивании ее «приказа»), одновременно воздействует как на само чувство (состояние) естественного страха, которое является одним из базовых защитных механизмов психики человека, так и на противоположное ему конструктивно-волевое проявление характера субъекта (чувство (состояние) бесстрашия, уверенности в себе, лежащее в основе истинного героизма («конструктивного аффекта»).

При этом данное деструктивное, манипулятивно-вирусное состояние, с одной стороны, блокирует естественные психические механизмы внутренней саморегуляции сознания (стадия «торможения»). Это приводит к временной потере самоконтроля, проявляющейся, прежде всего, в неспособности субъекта управлять собой и собственным страхом (регулировать степень его повышения / понижения). Одновременно с этим страх становится бесконтроль-

ным и из защитного механизма превращается в инструмент самоподавления / подчинения деструктивной «воле» программы.

С другой стороны, в то же самое время в сознании субъекта активизируется ложная стадия «возбуждения». Воздействуя на противоположное страху состояние внутреннего спокойствия (уверенности в себе, бесстрашия-героизма), деструктивное состояние «страх-псевдогероизм-КПП» стремится искусственно повысить общий «героический тонус» сознания субъекта, «вернуть» ему потерянное чувство самоконтроля / самообладания. Для этого КПП, используя свой манипулятивно-вирусный потенциал, пытается внушить дезориентированному (неспособному контролировать себя и свои эмоции) человеку-механизму-рабу, что на самом деле он является героем – «борцом за идею всеобщего социалистического равенства и справедливости». Для осуществления этого процесса программа предлагает субъекту «эффективный» способ «преодоления» пассивности / подавленности / «заторможенности» сознания. Основным инструментом становится набор «универсальных», предельно идеологизированных «героических» стимулов-иллюзий (псевдоконструктивных психологических состояний), «вытесняющих» негативные состояния и искусственно стимулирующих рост эмоционально-волевой псевдоактивности сознания человека-«героя».

В результате возникает парадоксальная ситуация: псевдоконструктивное чувство «животного» страха-ужаса-программы противопоставляется симулятивному состоянию псевдогероизма, который в действительности является всего лишь одной из форм этого страха, т.е. самой программой. Однако человек воспринимает систему мифоидеологизированных псевдогероических стимулов как новый защитный механизм и мгновенно «встраивается» в него, автоматически адаптируя себя к условиям существования в пространстве доминирующей КПП. Очевидно, что стадия «возбуждения» – это всего лишь бессмысленный симулятивный процесс (псевдодействие КПП), при котором реальная (конструктивная) активность субъекта равна нулю. Она полностью блокирована и отождествлена с деструктивной псевдоактивностью самой программы (стадия «возбуждения» усиливает эффект «торможения» работы сознания).

Все это приводит к появлению неосознанных, деструктивно-автоматизированных, инстинктивно-импульсных реакций, воспроизводимых субъектом под действием программы. Важно, что в рамках активно-пассивного режима функционирования КПП все описанные выше процессы и сами «программные» противоестественные реакции реализуются в условиях кратковременного «спонтанного» (резко возникающего / исчезающего) «аффективного шока». Человек просто не способен контролировать их появление. Он их не замечает. Они внезапно появляются и также внезапно исчезают. Это связано с тем, что человеческое (естественное) состояние страха / бесстрашия, внутренней свободы («конструктивного героизма») внешне продолжают функционировать в обычном (гармонизированном) режиме.

Заметим, что в рамках активно-пассивного режима функционирования КПП важен не сам факт появления той или иной деструктивной реакции, а то, что программе удастся автоматизировать процесс ее воспроизведения и произвести «перекодировку» рефлекторно-импульсного механизма: перевести «рефлекс человека» в «рефлекс программы» и отождествить их.

Крайне высокий уровень общей идеологизации всего «жизненного пространства» советской реальности и «внутренний раскол» советского общества на «врагов» и «преданных носителей идеи-программы» (носителей КПП), порождающий большое количество бессмысленных явных / скрытых конфликтов, позволяет программе беспрепятственно осуществить «перенос» идеологических псевдофактов и соответствующих им деструктивных состояний в сферу бытового, личного, семейного общения советских людей. При этом каждый бытовой конфликт, не имеющий прямого / косвенного отношения к партии-идеологии-программе, может в любую минуту превратиться к конфликт политический, потому что любой коммуникативный акт носителей КПП, включая личное, семейное, бытовое общение, имеет явный / скрытый идеологический подтекст и носит потенциально конфликтный характер. Другими словами: а) любой контакт – это потенциальный конфликт; б) любой конфликт (бытовой, семейный, личный) – это конфликт идеологический. По сути, смысл центральной псевдоконструктивной идеи «всеобщего единства, равенства и братства советского народа» («я» – это «мы»; «мы» – это «я»), лежащей в основе общей «гуманистической» коммуникативно-идеологической стратегии, реализуемой в пространстве деструктивной активности КПП, сводится к механизму тотального разобщения людей. Соответственно, сам носитель программы, не осознавая этого, с одной стороны, становится «машиной порождения» бессмысленных и бесконечных псевдоидеологизированных конфликтных ситуаций. С другой – «машиной воспроизведения» «чужих» автоматизированных, рефлекторно-импульсных реакций.

Модель «программной», разобщающей, конфликтной коммуникации представляет собой искусственно сконструированную систему статичных, овеществленных, предельно упрощенных (схематизированных) копий базовых когнитивно-ментальных механизмов естественной конструктивно-результативной коммуникации. Основными объектами копирования-овеществления (элементами внутренней структуры деструктивно-симулятивной коммуникативной модели общения / поведения «рядовых» носителей КПП) становятся: а) негативные психоэмоциональные состояния человека, провоцирующие возникновение конфликтных ситуаций; б) «естественные раздражители» – причины, поводы, источники возникновения межличностных конфликтов; в) основные формы реакций человека на возникновение конфликтных ситуаций и «выхода» из них; г) статусно-ролевое положение человека, вовлеченного в конфликтную ситуацию; д) процесс порождения явного / скрытого конфликта.

Вот простой пример: *«(Лузга и Шура разговаривают вечером на берегу реки) Шура: Моя мать хочет, чтобы я в студентки пошла. Я говорю, нечего, может, я помогу, работать там, все. Она говорит, ничего, езжай. А мне, знаешь, тоже хочется в город поехать. (Шура немного наклоняет голову и мечтательно улыбается) Шура: В Москву!.. Учиться! Лузга: На кого? Шура: Секрет... (Лузга отводит голову в сторону и улыбается. Шура улыбается ему в ответ. К ним подходит мать Шуры Лидия Матвеевна (немая)). В одной руке она держит керосиновый фонарь, другой (на языке жестов) ругает Шуру за то, что она «любезничает» с Лузгой) Лидия Матвеевна: Быстро иди домой... Знаю я, чем все это закончится... Сначала ты ему поесть принесла, потом разговоры душевные, а потом в подоле принесешь... (она жестом*

изображает, как выглядит живот беременной женщины. Шура и Лузга молча смотрят на Лидию Матвеевну) **Лузга:** Ты, Лидия Матвеевна, совсем уже того... (Лузга крутит пальцем у виска, давая ей понять, что она говорит глупости. В этот момент Шура резко поворачивается к Лузге) **Шура:** Слушай, ты сам-то кто... Думаешь, не знаем?.. (Она еще ниже наклоняется к Лузге и резко отвечает ему. Ее голос звучит вызывающе. В нем появляются нотки агрессии, неприятия и злорадства) **Шура:** И вообще, у нас просто так не сажают!.. Понял! (Шура быстрыми шагами подходит к матери. Лузга молча смотрит ей вслед. Тональность ее голоса снова меняется. Слова Шуры, обращенные к матери, звучат более мягко. Агрессии и злости в ее голосе уже нет) **Шура:** Ну как тебе не стыдно, мама? (Лидия Матвеевна дает дочери подзатыльник)» [8]. Здесь «внедренный» и определяющий бытовую ситуацию псевдофакт – советский «справедливый» суд, который ни при каких обстоятельствах не может допустить ошибку (осудить невиновного человека).

Активно-деструктивный режим КПП характеризуется «нулевой» степенью свободы сознания человека. Действия (поступки), мысли, чувства не принадлежат носителю КПП. Они «приписываются» («навязываются») ему программой, которая полностью контролирует (подавляет) все волевые и оценочно-аналитические способности человека. В этих условиях конструктивно-гармонизированная форма естественного диалогического общения, в рамках которого субъекты / объекты речи равноправны, искажается и превращается в демонстративную деструктивно-подчинительную форму выражения «воли»-приказа доминирующей программы. Перед нами уже не «живой» диалог, а его овеществленная, однонаправленная (односторонняя), симулятивная проекция, основанная на принципе: «я»-программа говорю-приказываю (субъект речи / источник подавления) – «ты»-носитель КПП должен (обязан) выполнить полученный приказ (объект речи / объект подавления).

Рассмотрим небольшую сцену, в которой визуализируются несколько псевдиалогических контактов носителей КПП / разных вариантов доминирующей программы: «(Главарь банды Барон обращается (отдает приказ) Лузге и Копалычу) **Барон:** Слушай сюда, доходяги! Вот вам задание. Бери лопату и копай могилу героически погибшему гражданину начальнику. Задание ясно? <...> (Барон и его банда медленно идут в сторону пристани. Фадеич в фуражке и кителе стоит на пристани. В его руках громкоговоритель.) **Фадеич:** Не смей входить на государственную пристань! Не смей входить на государственную пристань! (Барон плюет на землю, не останавливаясь, поворачивает голову в сторону Лузги и Копалыча и начинает кричать.) **Барон:** Эй, падлюки, чего встали?! Копать вот здесь у камня, чтобы могилку легавого со всех сторон видать было! **Баклан:** Шаг влево, шаг вправо считается побег, прыжок на месте – провокация (Уголовники громко смеются.) **Фадеич:** Не смей входить на государственную пристань! (Уголовники подходят ближе. Голос Фадеича начинает дрожать, становится неуверенным и тихим (подавленным). Его сковывает страх.) **Фадеич:** Не смей входить на государственную пристань... (Барон медленно, не замечая Фадеича, проходит мимо него. Баклан подходит к Фадеичу, вырывает у него из рук громкоговоритель. Разворачивает его и кричит Фадеичу в лицо.)» [Там же].

В рамках этой сцены формально визуализированы три группы субъектов / объектов речи: а) Барон и его банда; б) Лузга и Копалыч; в) Фадеич. Принципиальным является то, что их взаимодействие носит искусственный (условный) односторонний характер. Каждый из «говорящих» словно не видит / не слышит (не желает видеть и слышать) того, к кому он «обращается». С одной стороны, Барон отдает приказ – Лузга и Копалыч молчат. Молчание в данном случае является «корректной» автоматизированной реакцией.

С другой – Фадеич отдает приказ Барону и его банде, но те никак не реагируют на него. Его голос обращен в пустоту. Однако если в первом случае молчание – это искаженная форма выражения «согласия», т.е. готовности выполнить «волю» программы (*«(Лузга сидит около камня и вытирает кровь с лица. Копалыч берет лопату и начинает копать Манкову могилу.) Лузга: Эй, ты че раздухарился, дядя?.. Копалыч: Так это, вернутся – бить будут... (Лузга усмехается.) Лузга: Тебя мало били?.. (Копалыч перестает копать и, опираясь на лопату, горько усмехается в ответ.) Копалыч: Я-то думал, грешным делом, что все уже позади. Лузга: Как же!»*) [8]), то во втором эта же реакция получает противоположное значение.

В действительности в «диалоге» участвуют только две «субъектные» группы, каждая из которых отождествлена с конкретной проекцией доминирующей программы: а) Барон и его банда (уголовно-криминальная проекция КПП); б) Фадеич (сталинская репрессивно-тоталитарная проекция КПП). Кроме того, четко обозначены статус-позиции каждого варианта программы. «Источником подавления» является уголовно-криминальная проекция КПП («сильная» статус-позиция), а в качестве «объекта подавления» выступает сталинская проекция КПП (здесь – «слабая» статус-позиция). Доминирующее положение уголовно-криминальной проекции КПП подтверждается следующими фактами: а) Лузга и Копалыч получают приказ копать могилу «героически» погибшему / зверски убитому бандой Барона участковому Манкову, который в пространстве кинотекста является одной из ключевых субъектных проекций КПП-источника (сталинского варианта программы); б) второй «представитель власти» Фадеич оказывается полностью беспомощным. Он парализован страхом, неспособен выполнить свой «долг». Все его «действия» сводятся к автоматизированному, монотонному, многократному и, в конечном итоге, бессмысленному повторению одной и той же не принадлежащей ему фразы «Не смей входить на государственную пристань».

Важно, что сама ситуация «получения» «сильной» / «слабой» позиции в данном контексте представляется относительной, условной, так как обе проекции являются разными формами реализации одной и той же программы. Не случайно уголовник Баклан говорит «языком» репрессивно-тоталитарного варианта КПП: «Шаг влево, шаг вправо считается побег, прыжок на месте – провокация» (источник пародирования языка КПП здесь – осознаваемые бандитами различия ее вариантов).

Итак, в режиме «условной пассивности» КПП ее носитель сохраняет значительную степень внутренней свободы, не позволяя программе осуществлять полноценный контроль и обладая потенциальной возможностью нарушить равновесие между собой и программой (полностью выйти из-под ее влияния). «Активно-пассивный» режим КПП производит подмену: носитель программы, не осознавая этого и находясь в полном ощущении своей

личной свободы, с одной стороны, становится «машиной порождения» бессмысленных и бесконечных псевдоидеологизированных конфликтных ситуаций, с другой – «машиной воспроизведения» «чужих» автоматизированных, рефлексивно-импульсных реакций.

В условиях же «активно-деструктивного» режима КПП в «псевдиалог» вступают уже не «живые» люди, а разные варианты одной и той же доминирующей программы. При этом человек становится своеобразным «инструментом» / «механизмом» исполнения «воли-долга». Он лишен своего естественного статуса и больше не является ни субъектом, ни объектом речи / мысли / действия. Он всего лишь одна из функций программы. Именно поэтому «диалог» программ превращается в бесконечный, автоматизированный, односторонний, обезличенный процесс «обмена» приказами. Причем приказы эти обращены не человеку, а к источнику их порождения (программе), так как каждый вариант КПП «замкнут» на самом себе. В результате каждый очередной приказ порождает только «немое молчание», в котором одновременно генерируются и «новый» приказ, и механизм его исполнения, отождествленный с самим человеком.

Литература

1. Косов А.В. Ментальность как мировоззренческая система и компонента мифосознания // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 3. С. 75–90.
2. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.
3. Иванов Д.И. Когнитивно-прагматическая программа синтетической языковой личности: общие вопросы // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66): в 4 ч. Ч. 2. С. 107–111.
4. Иванов Д.И. Теория когнитивно-прагматических программ / Гуандунский ун-т междунар. исследований (Китай). Иваново: ПресСто, 2019. 312 с.
5. Мартыанов Д.С. Политическое сознание, политическое бессознательное и политическая психика: ревизия подходов к структуре и определению // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Политология. Международные отношения. 2015. № 3. С. 57–69.
6. Ешев М.А. Патриотизм в советской и постсоветской России // Власть. 2014. № 5. С. 85–89.
7. Ахиезер А.С. Мифология насилия в советский период (возможность рецидива) // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 85–93.
8. Холодное лето пятьдесят третьего (1987, реж. А. Прошкин, СССР), игровой фильм.
9. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Петер, 2002. 720 с. (Серия: Мастера психологии).

Dmitry I. Ivanov, Institute of Russian studies, Xi'an International Studies University (Xi'an, PRC).

E-mail: Ivan610@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2020, 40, pp. 59–72.

DOI: 10.17223/2220836/40/5

THE BASIC ACTIVITY MODES OF THE DOMINANT COGNITIVE-PRAGMATIC PROGRAMME AND THE INDIVIDUAL POLITICAL CONSCIOUSNESS (A CASE STUDY OF “THE COLD SUMMER OF 1953” FILM CONSTRUCT)

Keywords: cognitive-pragmatic programme; mythological recoding of consciousness; destructive and manipulative strategy; ideological CPP modes; pseudo-fact; pseudo-dialogue.

The purpose of the article is to study the conceptual-semantic core of the film construct “The Cold Summer of 1953” carried out as part of the author's metadisciplinary methodology – the theory of modeling cognitive-pragmatic programs (CPP). CPP is a supporting system of cognitive-pragmatic

sets that can have both a personal and a superpersonal character. The article solves the problems of deciphering the multidimensional impact of the dominant “superpersonal” CPP on the consciousness and behavior of its carriers, since the basic party-ideological CPP is deeply rooted in the minds of both government officials and political prisoners; moreover, the power system also turns the representatives of criminal environment into the carriers of a specific criminal projection of the basic CPP.

The main results of the study: film construct unfolds before us a panorama of the mythological recoding of the consciousness of CPP carriers, while the ethical category of duty, which is fundamental for self-identification of a person, suffers the most profound recoding.

“The Duty” here is a destructive and manipulative instrument for controlling the CPP over the consciousness of its carriers. Confident that he decides by himself who he is (level of self-identification), what is his goal (level of goal-setting) and what is the path to it (level of modeling of an instrumental-operational strategy), the CPP carrier does not / fully does not recognize the substitution. In fact, the CPP controls it: a) the goal of the program is identified with the goal of the CPP carrier; b) the CPP carrier does not think of itself separately from the program; c) the destructive strategy of the CPP is perceived by the subject as its own.

Studying the three basic regimes of the destructive activity of the ideological CPP, we come to the following conclusions: 1) In the “conditional passivity” mode of the CPP, its carrier retains a significant degree of internal freedom, not allowing the program to exercise full control. 2) The “Active-passive” mode of the CPP makes a substitution: the program carrier, being in the full sense of his personal freedom, becomes a “machine of generation” of senseless pseudo-ideologized conflict situations and a “machine of reproduction” of “alien” automated, reflex-impulse reactions. 3) Under the conditions of the “active-destructive” CPP regime, the “pseudodialogue” is no longer entered by “living” people, but by different options (“tools”, “mechanisms”) of the dominant program. That is why the “dialogue” of programs turns into an endless, automated, one-sided, impersonal process of “exchanging” orders.

References

1. Kosov, A.V. (2007) Mental'nost' kak mirovozzrencheskaya sistema i komponenta mifosoznaniya [Mentality as a worldview system and a component of myth-consciousness]. *Metodologiya i istoriya psikhologii*. 2(3). pp. 75–90.
2. Slyshkin, G.G. & Efremova, M.A. (2004) *Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza)* [Cinema text (an experience of linguocultural analysis)]. Moscow: Vodoley Publishers.
3. Ivanov, D.I. (2016) Cognitive-pragmatic program of synthetic linguistic personality: general issues. *Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki – Philology: Theory and Practice*. 12(2). pp. 107–111. (In Russian).
4. Ivanov, D.I. (2019) *Teoriya kognitivno-pragmaticheskikh programm* [Theory of Cognitive-Pragmatic Programs]. Ivanovo: PresSto.
5. Martyanov, D.S. (2015) Politicheskoe soznanie, politicheskoe bessoznatel'noe i politicheskaya psikhika: reviziya podkhodov k strukture i opredeleniyu [Political consciousness, political unconsciousness and political psyche: revision of approaches to structure and definition]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 3. pp. 57–69.
6. Eshev, M.A. (2014) Patriotizm v sovetskoj i postsovetskoj Rossii [Patriotism in Soviet and Post-Soviet Russia]. *Vlast'*. 5. pp. 85–89.
7. Akhiezer, A.S. (1999) Mifologiya nasiliya v sovetskiy period (vozmozhnost' retsidiva) [The mythology of violence in the Soviet period (the possibility of relapse)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 2. pp. 85–93.
8. *Kholodnoe leto pyat'desyat tret'ego* [Cold Summer of 1953]. (1987) [Film]. Directed by A. Proshkin. USSR.
9. Rubinstein, S.L. (2002) *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg: Peter.